

1. Pateikiame po 6 kiekvienos kalbos (anglų k., rusų k., vokiečių k. ir prancūzų k.) trumpuosius tekstus ir po 1 ilgą kiekvienos kalbos tekstą. Iš viso 28 tekstai.
2. **Išversti trumpuosius tekstus siūlome iki 2022 m. kovo 15 d.**
Registracija vyks iki 2022 m. sausio 30 d.
3. Moksleivis tekstą gali rinktis su mokytojo (darbo vadovo) pagalba, bet verčia jį **savarankiškai**.
4. Versdami tekstus moksleiviai gali naudotis žodynais. Darbas atliekamas rašant ranka arba kompiuteriu. Rašančių ranka prašytume tai daryti įskaitomai. Primename, jog tekste esantys eilėraščiai taip pat turi būti išversti (pažodinis arba poetinis vertimai).
5. Verčiant pasirinktą tekstą laikas nėra ribojamas.
6. Išverstus tekstus maloniai prašome išsiųsti vienu iš būdų:
  - a) elektroniniu vertimo lapu, kurio adresas yra <https://www.vkif.lt/darbu-siuntimas> (atsivertę šį puslapį, rasite vertimo vietą ir anketą, kurią reikia užpildyti ir išsiųsti; išsiuntę darbą, gausite patvirtinimą, kad vertimas gautas).
  - b) jei neturite galimybės naudotis elektroniniu vertimo lapu, išverstus tekstus galite siųsti ir Lietuvos paštu, adresu: **VKIF „Tavo žvilgsnis“, J. Jasinskio g. 16G, LT-01112 Vilnius**. Drauge su teksta pateikiame unifikotą vertimo lapo pavyzdį, kuriame yra anketinė dalis. Nepamirškite jos užpildyti. Tai yra vertimo švarraštis.
7. Vertinant darbus dėmesys bus kreipiamas į kūrybinį vertėjo požiūrį perteikiant mintis gimtąja kalba, kūrinio nuotaikos atitikimą, gramatines ir kalbos klaidas.
8. Pageidaujantys versti iš rusų kalbos moksleiviai, kurių rusų kalba yra gimtoji, į anketinės dalies 5,8 ir 9 klausimus atsako – „gimtoji kalba“.
9. Iliustruotojas neprivalo būti vertėjas. Iliustruotojas gali pasirinkti bet kurį tekstą. Su teksto turiniu, reikalui esant, gali padėti susipažinti mokytojai arba darbo vadovai.
10. Iliustravimo darbai gali būti atlikti įvairiomis technikomis, jie gali būti įvairiausių formatų. Darbus prašome išsiųsti iki 2022 m. kovo 15 d.
11. Iliustracijos originalą būtina siųsti Lietuvos paštu, adresu: **VKIF „Tavo žvilgsnis“, J. Jasinskio g. 16G, LT-01112 Vilnius**. Iliustracijas galite siųsti elektronine forma (jeigu darbas buvo kuriamas kompiuteriu), adresu: <https://www.vkif.lt/darbu-siuntimas>
12. Siunčiant originalą Lietuvos paštu būtina nurodyti autoriaus vardą ir pavardę, amžių, švietimo įstaigos pavadinimą pritrivintame baltame 2,5 x 9 cm formato lapelyje, dešinėje piešinio pusėje. Kitoje (atvirkščioje) pusėje priklijuokite užpildytą anketinę dalį (kaip ir vertėjų), nepamiršdami nurodyti teksto, kurį iliustruojate.
13. **Vertinsime darbus tų mokyklų arba atskirų dalyvių, kurie pateikė elektronines paraiškas su reikiamais duomenimis.**
14. Geriausių darbų autoriams bus įteikti diplomai, kitiems dalyviams – padėkos, o mokytojams – projekto vykdytojo pažymėjimai.
15. Tie projekto dalyviai, kurie norėtų pelnyti ilgojo teksto vertėjo diplomą, **turi išversti siūlomą arba savarankiškai pasirinktą didesnės apimties tekstą arba visus šešis ta pačia kalba pateiktus trumpuosius tekstus**. Darbų atlikimo laikas – 2022 m. kovo 15 d. **Pasirinkus versti savarankiškai, būtina atsiųsti ne tik vertimą, bet ir jo originalą.**
16. Geriausių darbų autorių sąrašą pateiksime mokykloms 2022 m. gegužės pabaigoje. Kad sąrašas būtų paskelbtas laiku, prašytume nevéluoti ir laiku pateikti atliktus darbus.
17. Susidarius saugiai aplinkai 2022 m. rudenį, geriausių darbų autorius vėl pakviesime keliauti. Jeigu saugios aplinkos dar nesulaukume, tai pasinaudotume įsteigtu prizų fondu, kuriame gausu stalo ir kompiuterinių žaidimų, knygų, turizmo ir sporto inventoriaus, dovanų su projekto „Tavo Žvilgsnis“ veiklos atributika.
18. Norėdami pasiteirauti, rašykite adresu zvilgsnis@vkif.lt, būtinai nurodydami savo tel. numerį tam, kad susiklosčius neatidėliotinai situacijai, projekto konsultantai galėtų su Jumis susisiekti.
19. Jūsų atliekami VKIF projektų darbai gali tapti Brandos darbo dalimi.
20. Maloniai primename, jog pateikti tekstai svetainėje bus matomi visiems. Kad šių tekstų vertimai ir jų iliustracijos būtų vertinami, reikia atlikti dalyvių registraciją. Paraiška dalyvauti projekte pildoma mūsų svetainėje prisijungus prie savo asmeninės paskyros per skiltį *Mano VKIF* (būtina registracija).

В Литве много разных скульптур: одни из них украшают площади столицы, другие изображают знаменитых людей, но есть и такие, которые обретают символическое значение или даже, как говорят, обладают магическими свойствами исполнять желания. Давайте отправимся в путешествие по городам и городкам нашей страны и всё выясним сами.

В литовской Книге рекордов записано, что это самая большая скульптура животного: весит скульптура 7 тонн, её длина – 15 метров, а высота – 6,6 метра. Это Железная Лиса в Шяуляй. Вместо сердца у неё капсула с медной пластиной, на которой выгравированы слова – обращение к потомкам. Скульптура была установлена 23 декабря 2009 года на берегу озера Талкша в честь тысячелетия упоминания Литвы. Дизайнер Вилюс Пуронис шутил, что Вильнюс может гордиться легендой о Железном Волке, а шяуляйцы – символом ума и хитрости – Железной Лисой.

В Неринге, что на Куршской косе, во дворе дирекции Национального парка, можно увидеть скульптуру лося – одного из самых крупных животных Литвы. Он считается символом этих мест. Говорят, потрёшь нос скульптурного лося, обязательно в лесу увидишь настоящего.

Недалеко от рынка «Жалякальнис» в Каунасе можно увидеть творение искусства – фигуру собаки сенбернара по имени Пчёлка. Пчёлка была хорошо известна жителям Каунаса и даже его гостям. Её часто видели на городских улицах, когда она несла корзинку с покупками своему хозяину. Пчёлка очень дружески общалась с прохожими и хорошо ориентировалась в городе. Но она была знаменита и благородными поступками: спасением тонущего ребёнка из реки или цыплят из-под колёс движущегося автомобиля.

Если вы отправитесь на прогулку по парку Ажуолино в Каунасе, то, скорее всего, увидите фигуру зубра – короля пуши. Бронзовая скульптура, созданная в 1979 году, точно переносит нас на несколько столетий назад, когда эти величественные животные жили на территории Литвы.

Знаменитая собачка Кекс из Укмярге уже стала своеобразным символом города, объектом, который чаще всего попадает в объектив фотоаппарата или мобильного телефона. Фигурка собаки в центре города на Монастырской улице оказалась в 2013 году, облюбовав себе место у городского фонаря. Хотя скульптура небольшая (60 сантиметров в высоту, весит около 100 килограмм) и в городе не очень давно, но о ней уже ходят легенды. Согласно городской легенде, того, кто нагнётся и погладит нос собачки, она запоминает и будет охранять всю жизнь, помогая осуществлять его желания. Кроме Кекса, в Укмярге можно найти несколько скульптурных изображений кошек и поющих голубей.

А в старой части города Клайпеды у городского перекрёстка установлена миниатюрная скульптура из бронзы и камня – Чудесный Мышонок. Скульптурную фигурку опоясывает бронзовая лента с надписью, а может и заклинанием: „Мысли преврати в слова, а слова – в чудо”. Авторы скульптуры Сваюнас Юркис и Сергей Плотников утверждают, что мышонок может исполнить добрые желания, нужно только нашептать их зверьку в ухо.

Если захочешь разбогатеть – отправляйся в Купишкис к скульптуре Барашка. Нужно приложить к Барашку кошелек, а лучше мешок с деньгами и всё – жди богатства. Фигура Барашка создана в 1998 году. Но это копия скульптуры, которая стояла на этом месте. Покидая здание, хозяева увезли небольшую скульптуру, и пришлось срочно создавать новую. Когда местные жители увидели Барашка на обычном месте, тут же решили – финансовый кризис Купишкис не грозит.

Ты любишь читать книги? Если осторожно ответишь – не очень, то тебе нужно отправиться на экскурсию в Алитус. Там в сквере около домика обмена книг на скамейке с книгой гордо сидит бронзовая белка. На её книге написано: „Книга – лучший способ превзойти себя вчерашнего”. Как только ты погладишь этого милого зверька – тут же появится непреодолимое желание читать. А другая мудрая белка со своим бельчонком тоже расположилась в этом городе. Скульптурную группу украшает надпись „Счастье создаём сами”.

Становится понятно, что для того, чтобы узнать немало интересного, совсем не нужны дальние путешествия, можно просто лучше изучить край, в котором ты живёшь.

Герцог Лоренцо, называемый Прекрасным, никогда один не садился к столу. Он говорил, что только собака, схватив кость, прячется с нею в угол и грызёт, на всех урча, а человеку должно быть приятно угощать друзей. Кроме того, за интересною беседою все блюда кажутся вкуснее. Именно поэтому во дворце Лоренцо каждый вечер к столу садились учёные, поэты, музыканты, знатные горожане. Одних привлекали умные речи за ужином, другие сами хотели высказаться, а третьи были не прочь просто вкусно поесть.

Во время одного из таких застолий гости заговорили о том, что Флоренция знаменита не только прекрасными зданиями, фонтанами, статуями, но и умелыми мастерами. Старый судья, который всегда одевался так нарядно, что над ним даже посмеивались, заявил, что в городе больше всего производителей сукна. Молодой придворный, который часто хватался за рукоятку шпаги и прослыл известным дуэлянтом, сказал, что в городе больше всего оружейников. Красивая дама, вся увешанная драгоценностями, утверждала, что в городе более ста ювелирных лавок, которые она объехала в поисках замечательного кольца. И тут герцог обратился с таким же вопросом к своему шуту, который сидел у его ног на маленькой скамеечке. Шут Гонела без промедления ответил, что больше всего в городе докторов. Герцог возразил, что в списке жителей Флоренции только три врача: его личный придворный доктор Антонио Амброджо и два других всем остальным. Гонела не согласился со своим господином и продолжал утверждать, что горожане только и делают, что болеют и лечатся, и он это докажет к ужину завтрашнего дня за сто золотых. Герцог отсчитал в красивую серебряную вазу сто золотых, а шут обвёл укоризненным взглядом всех гостей, и тем ничего другого не оставалось, как достать тугие кошельки.

На следующее утро Гонела обвязал щёку толстым шерстяным платком и вышел из дворца. Он жаловался на зубную боль, говорил, что во рту у него раскалённый свинец, острейший перец и горящий огонь. Первым он встретил купца. Купец посоветовал на перекрёстке четырёх улиц поймать чёрного кота, вырвать из хвоста три шерстинки, сжечь их и понюхать пепел – боль как рукой снимет. Шут поблагодарил купца и старательно записал совет. Следующим Гонела встретил монаха. Монах посоветовал набрать в рот подогретого красного вина и про себя читать молитву, боль вскоре должна утихнуть. И этот совет и имя его автора записал шут. Дальше советы посыпались как из рога изобилия. Учёные, ремесленники, продавцы селёдки, солдаты, просто горожане останавливались, увидев охающего Гонелу, и советовали, как вылечить зубную боль. А ближе к вечеру, когда шут, падая с ног от усталости, возвращался во дворец, на лестнице он встретил самого герцога. Герцог посочувствовал и сказал, что зубную боль можно вылечить компрессом из шалфея, полосканием ромашковым чаем или согреванием тёплым песком в полотняном мешочке. Гонела, конечно, всё записал.

За ужином Гонела протянул герцогу список советов, как вылечить зубную боль, и их авторов. В списке их оказалось более трёхсот: уважаемый купец Лучиано, монах отец Бенедетто и множество других имён, а завершало список «докторов» имя благороднейшего герцога Лоренцо. Гости смеялись от души над всеми советами, а содержимое серебряной вазы, естественно, переключало в карманы шута Гонелы.

Давным – давно это было. В деревне одной семья жила – муж, жена да семеро детишек. Жили они хорошо, землю пахали, скотину держали, нужды особой не знали. Так уж сложилось, что к своим семерым детушкам, пришлось им взять в семью сиротку – племянницу Алёнушку.

Всё бы хорошо, да только не каждое сердце на любовь щедрое. Так и тут получилось. Невзлюбили муж с женой сиротиночку – гоняют, шпыняют, а дети на них глядят да всё повторяют. Целыми днями у Алёнушки глаза на мокром месте, не поймёт, в чём она виновата: видно в том провинилась, что на белый свет народилась.

День за днём быстро идёт – уже и зима дороги заметает. Вот настал и ярмарочный день. Собирается вся семья, наряжается: мать да дочери старшие щёки румянят, отец да сыновья рубахи новые примеряют. А Алёнка возьми и попроси, чтобы её тоже на ярмарку взяли. Прикрикнули на неё, затопали, что дома дел полно. Забилась в уголок Алёнушка, заплакала, а тут старший сын сказал, что можно её взять с собой – пусть в санях сидит, добро стережёт. На том и порешили. Сами по торговым рядам пошли, а Алёнку в санях оставили.

Сидела Алёнушка в санях, сидела, и так ей хотелось хоть одним глазком на ярмарку взглянуть. Если быстренько обернётся, то, может, и не заметит никто. Сказано – сделано. Побежала Алёнушка в торговые ряды. Чего только на ярмарке нету: булки, пряники, рубахи, сарафаны, валенки, украшения разные. А среди всех стоит дедок – вокруг него все столы невиданными игрушками заставлены: барыни в широких юбках, музыканты – гармонисты, олени, медведи, петушки с индюшками. Мужичок насвистывает, свой товар нахваливает. Алёнушка остановилась как вкопанная, с места сдвинуться не может. Но тут неподалёку голос тётушкин услышала и бросилась со всех ног к своим саням.

Тут с ярмарки вся семья вернулась, покупками хвалятся: каждому по обновке, каждому по игрушке. На Алёнку прикрикнули, чтобы покупки складывать помогала. Она родне помогает, а сама слёзы вытирает. Глядит, прямо у саней маленькая игрушечка валяется – козлик с золочёными рожками. Только один рог обломился слегка, видно, поэтому его и бросили. Подняла Алёнушка козлика, в рукавичку спрятала.

Дома все дети принялись новыми игрушками забавляться, а Алёнушку не зовут, но она и не обижается – у неё теперь своя игрушка есть – козлик с золочёными рожками. И так девочка к нему привязалась, что ни на минуту с ним не расставалась. Делает работу какую по дому, а сама всё на козлика поглядывает, разговоры с ним ведёт, песни ему поёт.

Мало ли, много ли времени прошло, только решили как-то мальчишки над Алёнкою подшутить. Отобрали козлика и давай друг дружке кидать-перекидывать, а потом один дверь открыл, да и выбросил козлика в сугроб. Алёнка валенки натянула, платок накинула да и во двор. Плачет, снег руками разгребаёт. Вдруг слышит: кто-то стучит по воротам, выглянула, а по улице козлик с золочёными рожками скачет. Алёнка бросилась за ним по улице, за деревню выбежали, речку перебежали, на пригорок поднялись. Смотрит Алёнка, а перед ней деревенька другая: каждая изба, как игрушечка, окошки золотыми огоньками светятся. Козлик подбежал к одной избушке, рожками дверь открыл. А там за столом старушка сидит, глиняные игрушки красками цветными расписывает. Козлик к ней подбежал, что-то на ухо прошептал и снова игрушкой обернулся.

Старушка Алёнушку отогрела, кашей накормила, молоком напоила. Так у неё девочка и осталась. Узнала потом, что речка, через которую они с козликом перебежали Вяткой называется, а деревенька волшебная – Дымково. Научилась Алёнка игрушки из глины лепить да узорами яркими расписывать, первую мастерицей стала. Всяк, кто к ней зайдёт, без игрушки не уйдёт. Может и до сих пор она там живёт, вас в гости ждёт.

Муравья, конечно же, видели все: в лесу, в саду, просто в траве или под деревом. А давайте попробуем посмотреть на это крошечное насекомое повнимательнее.

Муравьи – самые древние обитатели нашей планеты. Учёные считают, что они появились на Земле около 130 миллионов лет назад. Эти малютки такие же древние как и динозавры. Но в отличие от последних сумели приспособиться ко всем изменениям на планете и выжить.

Обитают муравьи во всех уголках Земли кроме Арктики, Антарктиды, Гренландии и ещё некоторых островов. Учёным с трудом удаётся подсчитать, сколько же видов муравьёв существует – называют цифру 12-13 тысяч. На нашей планете живёт около 10 квадриллионов (то есть 10 000 000 миллиардов) муравьёв. На каждого человека приходится около миллиона этих насекомых.

По своему общественному устройству муравьи наиболее близкие к человеку существа на Земле. Они строят совместное жильё и живут большими семьями. Муравейники строят в грунте с небольшой насыпью над землёй или же насыпают, наносят на поверхности, такие муравейники могут быть в высоту от нескольких десятков сантиметров до 1,5 – 2 метров. Муравьи образуют сложные семьи с чётким разделением ролей. Главная в муравейнике царица-самка, откладывающая яйца и увеличивающая потомство. Ещё есть муравьи- фуражиры, доставляющие пищу, рабочие муравьи, муравьи- няньки, присматривающие за куколками и личинками.

Муравьи – самые умные насекомые. Их мозг, несмотря на скромные размеры, состоит из 250 тысяч клеток. Муравьи способны учиться – это доказали учёные. Кстати, существует отдельная наука, изучающая муравьёв, – мирмекология. Учёные-мирмекологи с помощью экспериментов доказали, что муравьи обладают хорошей памятью. Муравьи-фуражиры, ведущие самостоятельные поиски пищи, отлично помнят дорогу домой. Если их тропу перегородить замысловатым лабиринтом, то поблуждав по нему, они находят выход и помнят путь в течение четырёх дней. Способности у муравьёв неодинаковые. У учёных популярен лабиринт, составленный из прозрачных цилиндров, сквозь его стенки удобно наблюдать за насекомыми. Приманку накрывают самым маленьким цилиндром и делают узенький проход под стенкой, его накрывают цилиндром побольше, но выход делают с другой стороны и, таким образом, используют 5-6 цилиндров. Муравьи за разное время находят дорогу к приманке, но, если находят, очень скоро приводят к ней и несколько своих товарищей.

У муравьёв развито и чувство времени. Недалеко от кормовой дорожки строго в определённое время выставляли кормушку, муравьи быстро запомнили, когда это бывает, и собирались там в определённое время, даже по завершении эксперимента.

Ориентируются муравьи по запахам, причём у каждой колонии он свой. Чужак из другой колонии, относящийся к тому же биологическому виду, пахнет иначе и воспринимается как враг.

Муравьи трудолюбивы. Они поднимают груз приблизительно в сто раз тяжелее собственного веса. Их называют санитарами леса, и это не случайно. Муравьи способны защищать деревья от насекомых-вредителей. Средняя по величине муравьиная семья съедает до пяти миллионов вредных насекомых. Кроме того, они очищают лес от больных, гнилых и разрушенных деревьев. Теперь понятно, что роль муравьёв в природе огромна.

Люди искусства любят своеобразные места города, где улицы перепутались и переломались в короткие проезды, дома не самые благоустроенные, но зато там бывает полно кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешёвых крошечных квартир.

Студия Джоанны и Мари помещалась наверху трёхэтажного кирпичного дома. Девушки встретились в небольшой закуской на углу, разговорились и выяснили, что их взгляды на искусство, овощной салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. А в ноябре неприятливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по кварталу, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. Господина Пневмонию нельзя было назвать галантным старым джентельменом, миниатюрная малокровная девушка никак не могла считаться достойным противником ему. Однако он свалил её с ног, и Джоанна лежала почти неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплёт голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор вызвал Мари в коридор.

- У неё один шанс ... ну, скажем, из десяти, - сказал он, стряхивая ртуть в термометре. – И то, если она сама захочет жить. А наша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться.

После ухода доктора Мари долго плакала в мастерской. Потом храбро вошла в комнату Джоанны, насвистывая лёгкую мелодию. Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам. Набрасывая рисунок, Мари слышала тихий шёпот. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джоанны были широко открыты. Она смотрела в окно и считала – считала в обратном порядке.

- Двенадцать, - произнесла она, и немного погодя – одиннадцать, - а потом – восемь и семь - почти одновременно.

Мари посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден пустой унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый – старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплёл до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало с него листья, и оголённые скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

- Шесть, - еле слышно прошептала Джоанна. – Теперь они облетают быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и ещё один полетел. Теперь их осталось только пять. Когда упадёт последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

Мари отругала подругу за глупости, но не могла даже штору задёрнуть – ей нужен был свет для рисунка. Джоанна, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, лежала на кровати, почти незаметная под одеялом. Завершив работу, Мари отправилась к старику Берману, чтобы попросить его ей позировать для рисунка золотоискателя – отшельника. Рисунки были единственной возможностью купить еду и лекарства.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже, под их студией. Ему было уже за шестьдесят. В искусстве Берман был неудачником. Он всё собирался написать шедевр, но даже не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы- натурщики оказывались не по карману, но всё ещё говорил о своей будущей картине. В одном углу его полутёмной каморки уже двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи будущего шедевра. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, приставленного для охраны двух молодых художниц.

Мари рассказала старику про фантазию Джоанны и про свои опасения насчёт того, как бы она лёгкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, если ослабнет её непрочная связь с миром. Когда они поднялись в мастерскую Мари, то сразу же подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шёл холодный, ледяной дождь пополам со снегом, завывал ветер.

На следующее утро Мари со страхом подняла штору у кровати Джоанны. И что же? После дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене ещё виднелся лист плюща – последний! Всё ещё тёмно – зелёный у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землёй. Джоанна говорила, что он непременно упадёт ночью, и она умрёт. Прошёл день, наступили сумерки, а с наступлением темноты опять поднялся северный ветер, и дождь непрерывно стучал в окно.

Как только рассвело, беспощадная Джоанна велела снова поднять штору. Лист плюща всё ещё оставался на месте. Она долго лежала, глядя на него, а потом сказала Мари, что, должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы доказать ей, что грешно желать себе смерти. Вскоре она попросила подругу помочь сесть в кровати и принести немного куриного бульона.

Врач, который заглянул к ним ближе к полудню, сказал, что шансы Джоанны победить господина Пневмонию значительно выросли, она вне опасности. А вот их сосед Берман недавно скончался в больнице. Тоже воспаление лёгких. Он болел только два дня. Утром первого дня швейцар нашёл бедного старика в комнате без сознания. Его одежда и башмаки промокли насквозь, потом нашли лестницу, сдвинутую с места и палитру с жёлтой и зелёной краской. Девушки посмотрели за окно, а ведь лист плюща не дрожит от ветра и даже не шевелится. Берман успел написать свой шедевр.

В Толковом словаре Владимира Ивановича Даля собрано много слов. Они расположены по алфавиту, ко многим подобраны однокоренные слова и синонимы. Например: слово, словарь, словник, словотолковник, словарик, лексикон, сборник слов. Ко многим словам в качестве примеров автор подобрал пословицы, поговорки и даже загадки. Простому слову «кошка» он даёт девять толкований: это и домашнее животное, и якорь о четырёх лапах, и снаряд для чистки орудий, и кожаный кошелёк, который носят на поясе, и плётка с несколькими хвостами, отмель на взморье, рыбачий сачок, растение, игра. А ещё пословицы и поговорки: «Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется», «Напала на кошку спесь, не хочет с печи слезть». Загадки тоже есть: «Белая кошка лезет в окошко» (свет), «Сидят три кошки, против каждой кошки две кошки, много ли всех?»(три).

В. И. Даль о себе: «Отец мой, Иоганн Даль, датчанин по национальности, великолепно знал русский, немецкий, английский, латынь, древнееврейский и древнегреческий языки. Получив в Йенском университете богословское и филологическое образование, был приглашён в Россию. Моя мать – Мария Фрайтах – немка по отцу и француженка по матери, была женщиной образованной. Несмотря на такое происхождение, отец часто повторял нам, детям: «Гордитесь, что вы русские!» Учиться меня отдали в Кадетский корпус. Здесь у меня впервые появился интерес к языку – и я составил словарь кадетского жаргона из тридцати четырёх слов. 3 марта 1819 года мы были выпущены в мичмана, и я был отправлен служить в Николаев. В 1825 году вышел в отставку и поступил в Дерптский университет на медицинский факультет. Во время русско-турецкой войны служил врачом...»

Ещё во время службы в Николаеве Владимир Иванович начал записывать слова, которые слышал в среде сослуживцев и солдат. Это занятие он не оставил и во время войны: в свободное от перевязок и операций время не расставался с карандашом и блокнотом. Доктор Даль считал, что «слово – это великая способность человека гласно чувства и мысли свои выражать». Записывал он и сказки, а затем начал и сам сочинять. Через некоторое время издал книгу сказок.

Осенью 1832 года Даль собрался с духом, взял книгу своих «Русских сказок» и отправился к Александру Сергеевичу Пушкину. Пушкин обрадовался этому визиту, хвалил сказки, восхищался их народным языком. Во время следующих встреч Пушкин живо интересовался новыми записями Даля. Однажды Даль показал Пушкину записи народных примет: «Подавая соль – смейся, не то поссоришься», «При первой кукушке брякни деньгами, чтобы водились», «Забыли ложку на столе – к гостю». Пушкин был в восторге и повторял Дालю, что ему надо заняться составлением словаря.

С лёгкой руки Александра Сергеевича Даль и занялся составлением словаря русского языка, хотя по образованию не был филологом. Работа эта продолжалась в течение 53 лет. И вот Владимир Иванович Даль держит в руках последний, четвёртый, том словаря. Труд всей его жизни оценён по достоинству: он избран почётным членом Академии наук, словарь награждён Ломоносовской премией, золотой медалью Русского географического общества.

Словарь состоит из четырёх томов, содержит более двухсот тысяч слов и тридцать тысяч пословиц, поговорок, загадок. А полное собрание сочинений Даля составляет десять томов. Только сказок он один собрал больше, чем всё Российское географическое общество. А сколько сочинил... Владимир Иванович Даль был моряком, врачом, писателем, натуралистом. Он плавал по морям, воевал, путешествовал, делал хирургические операции, сочинял сказки и повести. Но чем бы ни занимался Даль, он прислушивался к речи крестьян, ремесленников, солдат. И мы через многие десятилетия открываем замечательную книгу «Толковый словарь живого великорусского языка» и с благодарностью вспоминаем его автора – Владимира Ивановича Даля – человека, который собирал слова.

Дня через три потеплело. Однажды утром, очень рано, Ярмола вошел в мою комнату и заявил небрежно:

— Нужно ружья почистить, паныч.

— А что? — спросил я, потягиваясь под одеялом.

— Заяц ночью сильно походил: следов много. Может, пойдём на охоту?

Я видел, что Ярмолу не терпится скорее пойти в лес, но он скрывает это страстное желание охотника под напускным равнодушием.

Едва войдя в лес, мы тотчас же напали на заячий след: две лапки рядом и две позади, одна за другой. Заяц вышел на дорогу, прошел по ней и сделал с дороги огромный прыжок в сосновый молодняк.

— Ну, теперь будем обходить его, — сказал Ярмола. — Как дал столба, так тут сейчас и ляжет. Вы, паныч, идите... — Он задумался, соображая по каким-то ему одному известным приметам, куда меня направить... — Вы идите до старой корчмы. А я его обойду от мельницы. Как только собака его выгонит, я крикну вам.

И он тотчас же скрылся, точно нырнул в густую чашу мелкого кустарника. Я прислушался. Ни один звук не выдал его походки, ни одна веточка не треснула под его ногами.

Я неторопливо дошел до старой корчмы — нежилой, развалившейся хаты, и стал на опушке хвойного леса под высокой сосной. Было так тихо, как только бывает в лесу зимою в безветренный день. Нависшие на ветвях пышные комья снега давили их книзу, придавая им чудесный, праздничный и холодный вид. По временам срывалась с вершины тоненькая веточка, и чрезвычайно ясно слышалось, как она, падая, с легким треском задевала за другие ветви. Снег розовел на солнце и синел в тени. Мной овладело тихое очарование этого торжественного, холодного безмолвия, и мне казалось, что я чувствую, как время медленно и бесшумно проходит мимо меня...

Вдруг далеко, в самой чаще, раздался лай Рябчика — характерный лай собаки, идущей за зверем: тоненький, залихватый и нервный, почти переходящий в визг. Тотчас же услышал я и голос Ярмолы, кричавшего вслед собаке.

Мне казалось, судя по направлению лая, что собака гонит влево от меня, и я торопливо побежал через полянку, чтобы перехватить зверя. Но не успел я сделать и двадцати шагов, как огромный серый заяц выскочил из-за пня и, как будто бы не торопясь, заложив назад длинные уши, высокими, редкими прыжками перебежал через дорогу и скрылся в молодняке. Следом за ним стремительно вылетел Рябчик. Увидев меня, он слабо махнул хвостом, торопливо куснул несколько раз зубами снег и опять погнался за зайцем.

Ярмола вдруг так же бесшумно вынырнул из чащи.

— Ну, ничего... Он от нас не уйдет. Идите на Ириновский шлях, — он сейчас туда выйдет.

Я пошел по направлению Ириновского шляха и уже через минуты две услышал, что собака опять гонит где-то недалеко от меня. Охваченный охотничьим волнением, я побежал, держа ружье наперевес, сквозь густой кустарник, ломая ветви и не обращая внимания на их жестокие удары. Я бежал так довольно долго и уже стал задыхаться, как вдруг лай собаки прекратился. Я пошел тише. Мне казалось, что если я буду идти все прямо, то непременно встречу с Ярмолу на Ириновском шляху. Но вскоре я убедился, что во время моего бега, огибая кусты и пни и совсем не думая о дороге, я заблудился. Тогда я начал кричать Ярмолу. Он не откликнулся.

Между тем машинально я шел все дальше. Лес редел понемногу, почва опускалась и становилась кочковатой. Кустарник скоро совсем окончился. Передо мной было большое круглое болото, занесенное снегом, из-под белой пелены которого торчали редкие кочки. На противоположном конце болота, между деревьями, выглядывали белые стены какой-то хаты. «Вероятно, здесь живет лесник, — подумал я. — Надо зайти и расспросить у него дорогу».

Но дойти до хаты было не так-то легко. Каждую минуту я увязал в трясине. Сапоги мои набрали воды и при каждом шаге громко хлюпали; становилось невмочь тянуть их за собою.

Наконец я перебрался через это болото, взобрался на маленький пригорок и теперь мог хорошо рассмотреть хату. Это даже была не хата, а именно сказочная избушка на курьих ножках. Она не касалась полом земли, а была построена на сваях, вероятно ввиду половодья, затопляющего весною весь лес. Но одна сторона ее от времени осела, и это придавало избушке хромой и печальный вид.

Я нажал на ручку и отворил дверь. В хате было очень темно, а у меня, после того как я долго глядел на снег, ходили перед глазами фиолетовые круги; поэтому я долго не мог разобрать, есть ли кто-нибудь в хате.

— Эй, добрые люди, кто из вас дома? — спросил я громко.

Около печки что-то завозилось. Я подошел поближе и увидел старуху, сидевшую на полу. Перед ней лежала огромная куча куриных перьев. Старуха брала отдельно каждое перо, сдирала с него бородку и клала пух в корзину, а стержни бросала прямо на землю.

«Да ведь это — Мануйлиха, ириновская ведьма», — мелькнуло у меня в голове, едва я только повнимательнее взгляделся в старуху. Все черты бабы-яги, как ее изображает народный эпос, были налицо: худые щеки, втянутые внутрь, переходили внизу в острый, длинный, дряблый подбородок, почти соприкасавшийся с висящим вниз носом; провалившийся беззубый рот беспрестанно двигался, точно пережевывая что-то; выцветшие, когда-то голубые глаза, холодные, круглые, выпуклые, с очень короткими красными веками, глядели, точно глаза невиданной зловещей птицы.

— Здравствуй, бабка! — сказал я как можно приветливее. — Тебя уж не Мануйлихой ли зовут?

В ответ что-то заклокотало и захрипело в груди у старухи; потом из ее беззубого, шамкающего рта вырвались странные звуки, похожие на задыхающееся карканье старой вороны:

— Прежде, может, и Мануйлихой звали добрые люди... Тебе что надо-то? — спросила она недружелюбно и не прекращая своего однообразного занятия.

— Да вот, бабушка, заблудился я. Может, у тебя молоко найдется?

— Нет молока, — сердито отрезала старуха. — Много вас по лесу ходит... Всех не напоишь, не накормишь...

— Ну, бабушка, неласковая же ты до гостей.

— И верно, батюшка: совсем неласковая. Разносолов для вас не держим. Устал — посиди, никто тебя из хаты не гонит. Знаешь, как в пословице говорится: «Приходите к нам на завалинке посидеть, у нашего праздника звона послушать, а обедать к вам мы и сами догадаемся». Так-то вот...

Эти обороты речи сразу убедили меня, что старуха действительно пришедшая в этом крае; здесь не любят и не понимают выразительной, уснащенной редкими словцами речи. Между тем старуха, продолжая механически свою работу, все еще бормотала что-то себе под нос, но все тише и невнятнее.

Однако я успел осмотреться вокруг себя, Большую часть избы занимала огромная облупившаяся печка. Образов в переднем углу не было. По стенам висели пучки засушенных трав, связки сморщенных корешков и кухонная посуда. Ни совы, ни черного кота я не заметил, но зато с печки два рябых солидных скворца глядели на меня с удивленным и недоверчивым видом.

— Бабушка, а воды-то у вас по крайней мере можно напиться? — спросил я, возвышая голос.

— А вон, в кадке, — кивнула головой старуха.

Вода отзывала болотной ржавчиной. Поблагодарив старуху (на что она не обратила ни малейшего внимания), я спросил ее, как мне выйти на шлях.

Она вдруг подняла голову, поглядела на меня пристально своими холодными птичьими глазами и забормотала торопливо:

— Иди, иди... Иди, молодец, своей дорогой. Нечего тут тебе делать. Хорош гость в гостинку... Ступай, батюшка, ступай...

Мне действительно ничего больше не оставалось, как уйти. Но вдруг мне пришло в голову попытать последнее средство, чтобы хоть немного смягчить суровую старуху. Я вынул из кармана новый серебряный четвертак и протянул его Мануйлихе. Я не ошибся: при виде денег старуха зашевелилась, глаза ее раскрылись еще больше, и она потянулась за монетой своими скрюченными, узловатыми, дрожащими пальцами.

— Э, нет, бабка Мануйлиха, даром не дам, — поддразнил я ее, пряча монету. — Ну-ка, погадай мне.

Коричневое сморщенное лицо колдуньи собралось в недовольную гримасу. Она, по-видимому, колебалась и нерешительно глядела на мой кулак, где были зажаты деньги. Но жадность взяла верх. Держась за стену, она подошла к столу, достала колоду бурых, распухших от времени карт. Поплевав на пальцы, начала раскладывать их. Карты падали на стол с таким звуком, как будто бы они были сваляны из теста, и укладывались в правильную восьмиконечную звезду. Когда упала последняя карта, Мануйлиха протянула ко мне руку.

— Позолоти, барин хороший... Счастлив будешь, богат будешь... — запела она попрошайническим, чисто цыганским тоном.

Я сунул ей приготовленную монету. Старуха проворно, по-обезьяньи, спрятала ее.

— Большой интерес тебе выходит через дальнюю дорогу, — начала она привычной скороговоркой. — Встреча с бубновой дамой и какой-то приятный разговор в важном доме. Падают тебе какие-то хлопоты, а потом опять падают какие-то небольшие деньги...

Вдруг она остановилась, подняла голову, точно к чему-то прислушиваясь. Я тоже насторожился. Чей-то женский голос, свежий, звонкий и сильный, пел, приближаясь к хате.

— Ну иди, иди теперь, соколик, — тревожно засуетилась старуха, отстраняя меня рукой от стола. — Нечего тебе по чужим хатам околачиваться. Иди, куда шел...

Она даже ухватила меня за рукав моей куртки и тянула к двери. Лицо ее выражало сильное беспокойство.

Голос, певший песню, вдруг оборвался совсем близко около хаты, громко звякнула железная ручка, и в просвете быстро распахнувшейся двери показалась рослая смеющаяся девушка. Обеими руками она бережно поддерживала полосатый передник, из которого выглядывали три крошечных птичьих головки с красными шейками и черными блестящими глазенками.

— Смотри, бабушка, зяблики опять за мною увязались, — воскликнула она, громко смеясь, — посмотри, какие смешные... Голодные совсем. А у меня, как нарочно, хлеба с собой не было.

Но, увидев меня, она вдруг замолчала и вспыхнула густым румянцем. Ее тонкие черные брови недовольно сдвинулись, а глаза с вопросом обратились на старуху.

— Вот барин зашел... Пытает дорогу, — пояснила старуха. — Ну, батюшка, — с решительным видом обернулась она ко мне, — будет тебе прохладиться. Напился водицы, поговорил, да пора и честь знать. Мы тебе не компания...

— Послушай, красавица, — сказал я девушке. — Покажи мне, пожалуйста, дорогу на Ириновский шлях, а то из вашего болота во веки веков не выберешься.

Должно быть, на нее подействовал мягкий, просительный тон, который я придал этим словам. Она бережно посадила на печку, рядом со скворцами, своих зябликов и молча вышла из хаты.

— Это у тебя все ручные птицы? — спросил я, догоняя девушку.

— Ручные, — ответила она отрывисто и даже не взглянув на меня. — Ну вот, глядите, — сказала она, останавливаясь у плетня. — Видите тропочку, вон, вон, между соснами-то? Видите?

— Вижу...

— Идите по ней все прямо. Как дойдете до дуба, повернете налево. Так прямо, все лесом, лесом и идите. Тут сейчас вам и будет Ириновский шлях.

В то время когда она вытянутой правой рукой показывала мне направление дороги, я невольно залюбовался ею. В ней не было ничего похожего на местных «дивчат», лица которых носят такое однообразное, испуганное выражение. Моя незнакомка, высокая брюнетка лет около двадцати — двадцати пяти, держалась легко и стройно. Оригинальную красоту ее лица, раз его увидев, нельзя было позабыть, но трудно было, даже привыкнув к нему, его описать. Прелесть его заключалась в этих больших, блестящих, темных глазах, которым тонкие, надломленные посредине брови придавали неуловимый оттенок лукавства, властности и наивности; в смугло-розовом тоне кожи, в своевольном изгибе губ.

— Неужели вы не боитесь жить одни в такой глуши? — спросил я, остановившись у забора.

Она равнодушно пожала плечами.

— Чего же нам бояться? Волки сюда не заходят.

— Да разве волки одни... Снегом вас занести может, пожар может случиться... И мало ли что еще. Вы здесь одни, вам и помочь никто не успеет.

— И слава богу! — махнула она пренебрежительно рукой. — Как бы нас с бабкой вовсе в покое оставили, так лучше бы было, а то...

Я догадался, что, вероятно, и старуха и эта красавица боятся каких-нибудь утеснений со стороны «предержанных», и поспешил ее успокоить.

— О! Ты, пожалуйста, не тревожься. Я ни урядник, ни писарь, ни акцизный, словом — я никакое начальство. Даю тебе честное слово. Ей-богу, я самый посторонний человек. Просто, приехал сюда погостить на несколько месяцев, а там и уеду. Если хочешь, я даже никому не скажу, что был здесь и видел вас. Ты мне веришь?

Лицо девушки немного прояснилось.

— Ну, значит, коль не врете, так правду говорите. А вы как: раньше об нас слышали или сами зашли?

— Да я и сам не знаю, как тебе сказать... Слышать-то я слышал, положим, и даже хотел когда-нибудь забрести к вам, а сегодня зашел случайно — заблудился... Ну, а теперь скажи, чего вы людей боитесь? Что они вам злого делают?

Она поглядела на меня с испытующим недоверием. Но совесть у меня была чиста, и я, не сморгнув, выдержал этот пристальный взгляд. Тогда она заговорила с возрастающим волнением:

— Плохо нам от них приходится... Простые люди еще ничего, а вот начальство... Приедет урядник — тащит, приедет становой — тащит. Да еще прежде, чем взять-то, над бабкой надругается: ты, говорят, ведьма, чертовка, каторжница... Эх! Да что и говорить! А мы разве трогаем кого-нибудь! — продолжала она, проникаясь ко мне все большим доверием. — Нам и людей не надо. Раз в год только схожу я в местечко купить мыла да соли... Да вот еще бабушке чаю, — чай она у меня любит. А то хоть бы и вовсе никого не видеть.

— Ну, я вижу, вы с бабушкой людей не жалуete... А мне можно когда-нибудь зайти на минуточку?

Она засмеялась, и — как странно, как неожиданно изменилось ее красивое лицо! Прежней суровости в нем и следа не осталось: оно вдруг сделалось светлым, застенчивым, детским.

— Да что у нас вам делать? Мы с бабкой скучные... Что ж, заходите, пожалуй, коли вы и впрямь добрый человек. ... Ну, однако, до свидания, — заторопилась она, — не знаю, как величать-то вас по имени... Боюсь, бабка браниться станет.

И она легко и быстро побежала в хату, наклонив вниз голову и придерживая руками разбившиеся от ветра волосы.

— Постой, постой! — крикнул я. — Как тебя зовут-то? Уж будем знакомы как следует.

Она остановилась на мгновение и обернулась ко мне.

— Аленой меня зовут... По-здешнему — Олеся.

Я вскинул ружье на плечи и пошел по указанному мне направлению. Поднявшись на небольшой холмик, откуда начиналась узкая, едва заметная лесная тропинка, я оглянулся. Красная юбка Олеси, слегка колеблемая ветром, еще виднелась на крыльце хаты, выделяясь ярким пятном на ослепительно белом, ровном фоне снега.

Через час после меня пришел домой Ярмола. По своей обычной неохоте к праздному разговору, он ни слова не спросил меня о том, как и где я заблудился. Он только сказал как будто бы вскользь:

— Там... я зайца на кухню занес... жарить будем или пошлете кому-нибудь?

— А ведь ты не знаешь, Ярмола, где я был сегодня? — сказал я, заранее представляя себе удивление.

— Отчего же мне не знать? — грубо проворчал Ярмола. — Известно, к ведьмакам ходили...

Весна наступила в этом году ранняя, дружная и — как всегда на Полесье — неожиданная. Побежали по деревенским улицам бурливые, коричневые, сверкающие ручейки, сердито пенясь вокруг встречных камней и быстро вертя щепки и гусиный пух; в огромных лужах воды отразилось голубое небо с плывущими по нему круглыми, точно крутящимися, белыми облаками; с крыш посыпались частые звонкие капли. Воробьи, стаями обсыпавшие придорожные ветлы, кричали так громко и возбужденно, что ничего нельзя было слышать за их криком. Везде чувствовалась радостная, торопливая тревога жизни.

В эти весенние дни образ Олеси не выходил из моей головы. Мне нравилось вспоминать ее то суровое, то лукавое, то сияющее нежной улыбкой лицо. Также привлекал меня к Олесе и некоторый ореол окружавшей ее таинственности, суеверная репутация ведьмы, жизнь в лесной чаще среди болота и в особенности — эта гордая уверенность в своих силах.

Нет ничего мудреного, что, как только немного просохли лесные тропинки, я отправился в избушку на курьих ножках. На случай, если бы понадобилось успокоить ворчливую старуху, я захватил с собою полфунта чаю и несколько пригоршен кусков сахара.

Я застал обеих женщин дома. Старуха возилась около ярко пылавшей печи, а Олеся прядла лен, сидя на очень высокой скамейке; когда я, входя, стукнул дверью, она обернулась, нитка оборвалась под ее руками, и веретено покатилося по полу.

Старуха некоторое время внимательно и сердито вглядывалась в меня, сморщившись и заслоняя лицо ладонью от жара печи.

— Здравствуй, бабуся! — сказал я громким, бодрым голосом. — Не узнаешь, должно быть, меня? Помнишь, я в прошлом месяце заходил про дорогу спрашивать? Ты мне еще гадала?

— Ничего не помню, батюшка, — зашамкала старуха, недовольно трясая головой, — ничего не помню. И что ты у нас позабыл, — никак не пойму. Что мы тебе за компания? Мы люди простые... Нечего тебе у нас делать. Лес велик, есть место, где разойтись...

Ошеломленный нелюбезным приемом, я совсем потерялся и очутился в том глупом положении, когда не знаешь, что делать. Невольно я повернулся с беспомощным выражением к Олесе. Она чуть-чуть улыбнулась с оттенком незлой насмешки, встала из-за прялки и подошла к старухе.

— Не бойся, бабка, — сказала она примирительно, — это не лихой человек, он нам худого не сделает. Милости просим садиться, — прибавила она, указывая мне на лавку и не обращая более внимания на воркотню старухи.

Ободренный ее вниманием, я догадался выдвинуть самое решительное средство.

— Какая же ты сердитая, бабуся... Чуть гости на порог, а ты сейчас и бранишься. А я было тебе гостинцу принес, — сказал я, доставая из сумки свои свертки.

Старуха бросила быстрый взгляд на свертки, но тотчас же отвернулась к печке.

— Никаких мне твоих гостинцев не нужно, — проворчала она, ожесточенно разгребая кочергой уголья. — Знаем мы тоже гостей этих. Сперва без мыла в душу лезут, а потом... Что у тебя в кулечке-то? — вдруг обернулась она ко мне.

Я тотчас же вручил ей чай и сахар. Это подействовало на старуху смягчающим образом, и хотя она и продолжала ворчать, но уже не в прежнем, непримиримом тоне.

Олеся села опять за пряжу, а я поместился около нее на низкой, короткой и очень шаткой скамеечке. Левой рукой Олеся быстро сучила белую, мягкую, как шелк, кудель, а в правой у нее с легким жужжанием крутилось веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и коротким движением пальцев опять заставляла вертеться. Эта работа, такая простая на первый взгляд, но в сущности требующая огромного, многовекового навыка и ловкости, так и кипела в ее руках.

— А вот вы мне тогда и не сказали, что вам бабка гадала, — произнесла Олеся. И, видя, что я опасно обернулся назад, она прибавила: — Ничего, ничего, она немного на ухо туга, не услышит. Она только мой голос хорошо разбирает.

— Да, гадала. А что?

— Да так себе... Просто спрашиваю... А вы верите? — кинула она на меня украдкой быстрый взгляд.

— Как сказать, вернее будет, что не верю, а все-таки почему знать? Говорят, бывают случаи... Даже в умных книгах об них напечатано. А вот тому, что твоя бабка говорила, так совсем не верю. Так и любая баба деревенская сумеет поворожить.

Олеся улыбнулась.

— Да, это правда, что она теперь плохо гадает. Стара стала, да и боится она очень. А что вам карты сказали?

— Ничего интересного не было. Я теперь и не помню. Что обыкновенно говорят: дальняя дорога, трюфовый интерес... Я и позабыл даже. Чего же она боится?

— Известно чего, — начальства боится... Урядник приедет, так завсегда грозит: «Я, говорит, тебя во всякое время могу упрятать. Ты знаешь, говорит, что вашему брату за чародейство полагается? Ссылка в каторжную работу, без срока, на Соколиный остров». Как вы думаете, врет он это или нет?

— Нет, врать он не врет; действительно за это что-то полагается, но уже не так страшно... Ну, а ты, Олеся, умеешь гадать?

Она как будто бы немного замялась, но всего лишь на мгновение.

— Гадаю... Только не за деньги, — добавила она поспешно.

— Может быть, ты и мне кинешь карты?

— Нет, — тихо, но решительно ответила она, покачав головой. — Нет. Не стану. Ни за что не стану.

— Ну, уж это нехорошо, Олеся. Ради первого знакомства нельзя отказывать... Почему ты не согласна?

— Потому, что я на вас уже бросала карты, в другой раз нельзя... Нет, нет, нельзя... нельзя... — зашептала она с суеверным страхом. — Судьбу нельзя два раза пытаться... Не годится... Она узнает, подслушает... Судьба не любит, когда ее спрашивают. Оттого все ворожки несчастные.

Я хотел ответить Олесе какой-нибудь шуткой и не мог: слишком много искреннего убеждения было в ее словах, так что даже, когда она, упомянув про судьбу, со странной боязнью оглянулась на дверь, я невольно повторил это движение.

— Ну, если не хочешь мне погадать, так расскажи, что у тебя тогда вышло? — попросил я.

И я продолжал настаивать. Я не мог разобрать: был ли ее отказ и темные намеки на судьбу наигранным приемом гадалки, или она действительно сама верила в то, о чем говорила, но мне стало как-то не по себе, почти жутко.

— Ну хорошо, я, пожалуй, скажу, — согласилась наконец Олеся. — Только смотрите, уговор лучше денег: не сердиться, если вам что не понравится. Вышло вам вот что: человек вы хотя и добрый, но только слабый... Доброта ваша не хорошая, не сердечная. Слову вы своему не господин.

Над людьми любите верх брать, а сами им хотя и не хотите, но подчиняетесь. Деньгами вы не дорожите и копить их не умеете — богатым никогда не будете... Говорить дальше?

— Говори, говори! Все, что знаешь, говори!

— Дальше вышло, что жизнь ваша будет невеселая. Никого вы сердцем не полюбите, потому что сердце у вас холодное, ленивое, а тем, которые вас будут любить, вы много горя принесете. Никогда вы не женитесь, так холостым и умрете. Радостей вам в жизни больших не будет, но будет много скуки и тяготы... Сильную нужду будете терпеть, однако под конец жизни судьба ваша переменится через смерть какого-то близкого вам человека и совсем для вас неожиданно. Только все это будет еще через много лет, а вот в этом году... Я не знаю, уж когда именно, — карты говорят, что очень скоро... Может быть, даже и в этом месяце...

— Что же случится в этом году? — спросил я, когда она опять остановилась.

— Да уж боюсь даже говорить дальше. Падает вам большая любовь со стороны какой-то трефовой дамы. Вот только не могу догадаться, замужняя она или девушка, а знаю, что с темными волосами...

Я невольно бросил быстрый взгляд на голову Олеси.

— Что вы смотрите? — покраснела вдруг она, почувствовав мой взгляд с пониманием, свойственным некоторым женщинам. — Ну да, вроде моих, — продолжала она, машинально поправляя волосы и еще больше краснея. — Не смейтесь, не надо смеяться, — серьезно, почти строго, заметила Олеся. — Я вам все только правду говорю.

— Ну хорошо, не буду, не буду. Что же дальше?

— Дальше... Ох! Нехорошо выходит этой трефовой даме, хуже смерти. Позор она через вас большой примет, такой, что во всю жизнь забыть нельзя, печаль долгая ей выходит... А вам ничего дурного не выходит.

— Послушай, Олеся, а не могли ли тебя карты обмануть? Человек я тихий, скромный, а ты столько страхов про меня наговорила. И все это тебе карты сказали, Олеся?

Она ответила не сразу, уклончиво и как будто бы неохотно:

— И карты... Да я и без них узнаю много, вот хоть бы по лицу. Если, например, который человек должен скоро нехорошей смертью умереть, я это сейчас у него на лице прочитаю, даже говорить мне с ним не нужно.

— Что же ты видишь у него в лице?

— Да я и сама не знаю. Страшно мне вдруг делается, точно он неживой передо мной стоит. Вот хоть у бабушки спросите, она вам скажет, что я правду говорю. Трофим, мельник, в позапрошлом году у себя на мельнице повесился, а я его только за два дня перед тем видела и тогда же сказала бабушке: «Вот посмотри, бабуса, что Трофим на днях дурной смертью умрет». Так оно и вышло.

— Отчего же ты ему не сказала, что его беда ждет?

— А зачем говорить? — возразила Олеся. — Что у судьбы положено, разве от этого убежишь? Только бы понапрасну человек свои последние дни тревожился... Да мне и самой гадко, что я так вижу, сама себе я противна делаюсь... Только что ж? Это ведь у меня от судьбы. Бабка моя, когда помоложе была, тоже смерть узнавала, и моя мать тоже, и бабкина мать — это не от нас... это в нашей крови так.

Она перестала прясть и сидела, низко опустив голову, тихо положив руки вдоль колен. В ее неподвижно остановившихся глазах с расширившимися зрачками отразился какой-то темный ужас, какая-то невольная покорность таинственным силам и сверхъестественным знаниям, осенявшим ее душу.

В это время старуха разостлала на столе чистое полотенце с вышитыми концами и поставила на него дымящийся горшок.

— Иди ужинать, Олеся, — позвала она внучку и после минутного колебания прибавила, обращаясь ко мне, — может быть, и вы, господин, с нами откушаете? Милости просим... Только неважные у нас кушанья-то...

Нельзя сказать, чтобы ее приглашение отзывалось особенной настойчивостью, и я уже было хотел отказаться от него, но Олеся в свою очередь попросила меня с такой милой простотой и с такой ласковой улыбкой, что я поневоле согласился. Она сама налила мне полную тарелку крупника — похлебки из гречневой крупы с салом, луком, картофелем и курицей — чрезвычайно вкусного и питательного кушанья. Сядя за стол, ни бабушка, ни внучка не перекрестились. За ужином я не переставал наблюдать за обеими женщинами, потому что, по моему глубокому убеждению, которое я и до сих пор сохраняю, нигде человек не высказывается так ясно, как во время еды. Старуха глотала крупник с торопливой жадностью, громко чавкая и запихивая в рот огромные куски хлеба. У Олеси даже в манере есть была какая-то врожденная порядочность.

Спустя час после ужина я простился с хозяйками избушки на курьих ножках.

— Хотите, я вас провожу немножко? — предложила Олеся.

— Какие такие проводы еще выдумала! — сердито прошамкала старуха. — Не сидится тебе на месте, стрекоза...

Но Олеся уже накинула на голову красный кашемировый платок и вдруг, подбежав к бабушке, обняла ее и звонко поцеловала.

— Бабушка! Милая, дорогая, золотая... я только на минуточку, сейчас и назад.

Пройдя узкую тропинку, мы вышли на лесную дорогу, черную от грязи, всю истоптанную следами копыт. Мы шли обочиной дороги, сплошь покрытой бурными прошлогодними листьями, еще не высохшими после снега. Кое-где сквозь их мертвую желтизну подымали свои лиловые головки крупные колокольчики «сна» — первого цветка Полесья.

— Послушай, Олеся, — начал я, — мне очень хочется спросить тебя кое о чем, да я боюсь, что ты рассердишься... Скажи мне, правду ли говорят, что твоя бабка... как бы это выразиться?..

— Колдунья? — спокойно помогла мне Олеся.

— Нет... Не колдунья... — замялся я. — Ну да, если хочешь — колдунья... Конечно, ведь мало ли что болтают. Почему ей просто-напросто не знать каких-нибудь трав, средств, заговоров?... Впрочем, если тебе это неприятно, ты можешь не отвечать.

— Нет, отчего же, — отозвалась она просто, — что ж тут неприятного? Да она, правда, колдунья. Но только теперь она стала стара и уж не может делать того, что делала раньше. А раньше лечить умела, отчитывала, если кого бешеная собака укусит или змея, клады указывала... да всего и не перечислишь.

— Знаешь что, Олеся?.. Ты меня извини, а я ведь этому всему не верю. Ну, будь со мною откровенна, я тебя никому не выдам: ведь все это — одно притворство, чтобы только людей морочить?

Она равнодушно пожала плечами.

— Значит, ты твердо веришь колдовству?

— Да как же мне не верить? Ведь у нас в роду чары... Я и сама многое умею.

— Олеся, голубушка... Если бы ты знала, как мне это интересно... Неужели ты мне ничего не покажешь?

— Отчего же, покажу, если хотите, — с готовностью согласилась Олеся. — Сейчас желаете? Что бы вам такое показать? — задумалась она. — Ну хоть разве это вот: идите впереди меня по дороге... Только, смотрите, не оборачивайтесь назад.

— А это не будет страшно? — спросил я, стараясь беспечной улыбкой прикрыть боязливое ожидание неприятного сюрприза.

— Нет, нет... Пустяки... Идите.

Я пошел вперед, очень заинтересованный опытом, чувствуя за своей спиной напряженный взгляд Олеси. Но, пройдя около двадцати шагов, я вдруг споткнулся на совсем ровном месте и упал ничком.

— Идите, идите! — закричала Олеся. — Не оборачивайтесь! Это ничего, до свадьбы заживет... Держитесь крепче за землю, когда будете падать.

Я пошел дальше. Еще десять шагов, и я вторично растянулся во весь рост.

Олеся громко захохотала и хлопала в ладоши.

— Ну что? Довольны? — крикнула она, сверкая своими белыми зубами. — Верите теперь? Ничего, ничего!.. Полетели не вверх, а вниз.

— Как ты это сделала? — с удивлением спросил я, отряхиваясь от приставших к моей одежде веточек и сухих травинок. — Это не секрет?

— Вовсе не секрет. Я вам с удовольствием расскажу. Только боюсь, что, пожалуй, вы не поймете... Не сумею я объяснить...

Я действительно не совсем понял ее. Но, если не ошибаюсь, этот своеобразный фокус состоит в том, что она, идя за мною следом шаг за шагом, нога в ногу, и неотступно глядя на меня, в то же время старается подражать каждому, самому малейшему моему движению, так сказать отождествляет себя со мною. Пройдя таким образом несколько шагов, она начинает мысленно воображать на некотором расстоянии впереди меня веревку, протянутую поперек дороги на аршин от земли. В ту минуту, когда я должен прикоснуться ногой к этой воображаемой веревке, Олеся вдруг делает падающее движение, и тогда, по ее словам, самый крепкий человек должен непременно упасть... Только много времени спустя я вспомнил сбивчивое объяснение Олеси, когда читал отчет доктора Шарко об опытах, произведенных им над двумя пациентками Сальпетриера, профессиональными колдуньями. И я был очень удивлен, узнав, что французские

колдуньи из простонародья прибежали в подобных случаях совершенно к той же сноровке, какую пускала в ход хорошенькая полесская ведьма.

— О! Я еще много чего умею, — самоуверенно заявила Олеся. — Например, я могу нагнать на вас страх.— Сделаю так, что вам страшно станет. Сидите вы, например, у себя в комнате вечером, и вдруг на вас найдет ни с того ни с сего такой страх, что вы задрожите и оглянуться назад не посмеете. Только для этого мне нужно знать, где вы живете, и раньше видеть вашу комнату.

— Ну, уж это совсем просто, — усомнился я. — Подойдешь к окну, постучишь, крикнешь что-нибудь.

— О, нет, нет... Я буду в лесу в это время, никуда из хаты не выйду... Но я буду сидеть и все думать, что вот я иду по улице, вхожу в ваш дом, отворяю двери, вхожу в вашу комнату... Вы сидите где-нибудь... ну, хоть у стола... я подкрадываюсь к вам сзади тихонько... вы меня не слышите... я хватаю вас за плечо руками... а сама гляжу на вас... вот так — смотрите...

Ее тонкие брови вдруг сдвинулись, глаза в упор остановились на мне с грозным и притягивающим выражением, зрачки увеличились и посинели. Мне тотчас же вспомнилась виденная мною в Москве, в Третьяковской галерее, голова Медузы, — работа уж не помню какого художника. Под этим пристальным, странным взглядом меня охватил холодный ужас сверхъестественного.

— Ну полно, полно, Олеся... будет, — сказал я с деланным смехом. — Мне гораздо больше нравится, когда ты улыбаешься, — тогда у тебя такое милое, детское лицо.

Мы пошли дальше. Мне вдруг вспомнилась выразительность и даже для простой девушки изысканность фраз в разговоре Олеси, и я сказал:

— Знаешь, что меня удивляет в тебе, Олеся? Вот ты выросла в лесу, никого не выдавши... Читать ты, конечно, тоже много не могла...

— Да я вовсе не умею и читать-то.

— Ну, тем более... А между тем ты так хорошо говоришь, не хуже настоящей барышни. Скажи мне, откуда у тебя это? Понимаешь, о чем я спрашиваю?

— Да, понимаю. Это все от бабушки... Вы не глядите, что она такая с виду. У! Какая она умная! Вот, может быть, она и при вас разговорится, когда побольше привыкнет... Она все знает, ну просто все на свете, про что ни спросишь. Правда, постарела она теперь.

— Значит, она много видела на своем веку? Откуда она родом? Где она раньше жила?

Кажется, эти вопросы не понравились Олесе. Она ответила не сразу, уклончиво и неохотно:

— Не знаю... Да она об этом и не любит говорить. Если же когда и скажет что, то всегда просит забыть и не вспоминать больше... Ну, однако, мне пора, — заторопилась Олеся, — бабушка будет сердиться. До свиданья... Простите, имени вашего не знаю.

Я назвал ее. На прощанье протянул ей руку, и ее маленькая крепкая рука ответила мне сильным, дружеским пожатием.

VERTIMŲ IR ILIUSTRACIJŲ PROJEKTAS TAVO ŽVILGSNIS 2022

1. Švietimo įstaigos pavadinimas	
2. Moksleivio (-ės) vardas, pavardė (spausdintinėmis raidėmis)	
3. Mokytojo (darbo vadovo) vardas, pavardė	
4. Verčiama/ilustruojamo teksto pavadinimas (lietuvių kalba)	
5. Užsienio kalba, iš kurios verčiama/ilustruojama	
6. Moksleivio klasė/kursas	
7. Moksleivio amžius	
8. Tai Jūsų pirmoji ar antroji užsienio kalba? (pildo tik vertėjai)	
9. Užsienio kalbos mokymosi metai (pildo tik vertėjai)	